

12+

Ирина КОСТЕВИЧ

Йокин в Москве

Ирина Костевич Йокин в Москве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57118983

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04890-4

Аннотация

Йокин – это плюшевый паучок. У него плохо с дисциплиной и логикой, но в остальном он хорош. В Москву Йокин попадает, чтобы спасти потерявшегося деда Мишу – любимого плюшевого медведя семьи. В основу книги легли документальные факты о похождениях паучка и его знакомстве с основными московскими медведями. В 2016 году повесть "Йокин в Москве" попала в "Длинный список" Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". Автор – член Союза российских писателей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
***	12
Глава 4	15
***	18
Глава 5	20
Глава 6	24
***	26
***	29
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Сидели на диване. Молчали.

Потом кот заговорил:

– Ну, а у тебя есть дело, ради которого ты появился на свет?

Паучок только лапой махнул. Ненароком поймал муху.

Серый кот протянул салфетку:

– Извинись перед мухой, отпусти и вытри лапу!

– Как я ей вытру, если отпущу? Вытирать, так уж все. Они где только не ходят, мухи!

Никого не дожидаясь, муха выбралась на свободу сама. Скорчила Йокину с Рыбцом злую рожу, гордо полетела. Врезалась в закрытую форточку, упала. И сидела теперь на подоконнике, жужжа нехорошие слова.

– А там, куда ты едешь, вообще мухи цэцэ летают! Вот надо тебе? – пробормотал Йокин, глядя в пол.

– Я ж сказал: предназначение! У каждого должно быть. Моё – помогать пострадавшим. А муха цэцэ – это мелочь и ерунда против Общества Красного Креста и Полумесяца.

Муха Комнатная оскорбилась. Полетела с подоконника атаковать. Рыбчик отмахивался, закрывался. Но муха как осатанела.

– Зря ты её жалел. Видишь, что творит?

– Это ей нужна психотерапия... – отвечал котик.

Про «психо...» мухе тоже не понравилось. Однако дожуживала она опять в кулаке Йокина.

– Хорошо, – сдался кот. – Не отпускай. Давай посадим её в банку и накормим вареньем. Она подобреет и станет не такой базарной.

«Много же варенья придётся Рыбчику тащить с собой в Африку» – Йокин болтал четырьмя задними лапами и тёр глаза четырьмя передними. Текли слёзы. Конечно, он говорил, что опять аллергия...

Муха в банке, объевшись сладкого, задремала. Ей снилось, что она белая птица между прошлым и будущим. Рыбчик снова проверял по списку, всё ли взял из нужного. Лекарства, ноутбук, варенье из лепестков роз, ежевичное, урючное. Чесалка для головы...

– Думаешь, тебя и почесать будет некому... – как мог весело проговорил Йокин.

– Не-ет. Это же я беру для того, чтобы самому кого-то чесать. Терапия!

Пора уже объяснить: Рыбчик улетал в Африку – выполнять ответственную миссию общества Красного Креста и Полумесяца. А позвала его туда давняя парижская знакомая, девушка с каверзным именем Алуа. Теперь плюшевый кот будет помогать справляться с душевными волнениями тем,

кому это надо. С его-то тактом и мягкостью Рыбчик надеялся стать важным звеном поддержки несчастных и воцарения мира в их внутреннем мире.

Хозяйка серого кота, Маша, гордилась им, конечно. Поэтому и разрешила ехать. С условием, чтобы не забывал, писал ей часто и возвращался в марте. И любил сильнее, чем эту парижскую А-лу-а.

Жаль, проводить Рыбчика Маша не успела: сама улетела. Только не на юг, а на север, в Москву. Сопровождать старенького деда Мишу, медведя. У него нашёлся родственник. Да как нашёлся-то! Через сайт поиска «Медвежья кровь».

Рыбцу позвонили: подъехало такси. Кот с паучком обнялись. Йокин уже не сдерживал слёз. Взволнованный кот быстро всплакнул в ответ. Но тут же прекратил. Он ведь стоял на рубеже нового. И готовился туда попасть – а это как впервые залезть на эlevator.

– Но ты обязательно найди своё предназначение и мечту! – обернулся с порога Рыбчик. – Мечта необходима для жизни!

Глава 2

Мохнатый брат деда Миши, Владимир Евгеньевич, был коренным москвичом. Вместе с супругой Нонной служил в квартире-музее. Самом лучшем музее Москвы. Снаружи персиковый дом не привлекал внимание. Но внутри всё было наособицу. Например, в гостиной музея окно смотрело прямо с потолка.

Владимир Евгеньевич по-музейному трепетно относился к родственникам. Составил генеалогическое древо. На этом древе плюшевые мишки сидели на ветвях, как воробушки – не меньше полусотни плюшевых мишек. Много, да не все. Теперь, с обретением нового брата, Владимир Евгеньевич наслаждался завершением труда. А также – мыслью о том, как обнимет незнакомого пока Михаила Евгеньевича. По-медвежьи обнимет, от души.

На фотографии Михаил Евгеньевич был явно их породы! Добрая морда, желтоватые белки глаз, скруглённые уши. Но главное – цвет. Только у них в роду медведи получались краснобуро-оранжевыми.

Владимир Евгеньевич и Нонна предавались мечтам и строили планы. А посетители музея рассматривали экспонаты. И радовались, что у медведей, сидящих за столиком в бывшей детской квартиры-музея, такой одухотворённый вид.

Старый Миша не летал на самолётах лет сорок. Вот и ликовал, что снова на земле. Да ещё и в Москве. Почти. В Домодедово.

И пусть сидел он в тесной сумке, вдали от сопровождавшей его Маши. Всё же с минуты на минуту ждал встречи с ней. Да, Миша пока – багаж, а Маша – пассажир, но это всё условности. Совсем скоро его вытащат из сумки, погладят и поговорят. И всё станет правильно. Но только минут становилось больше, они начинали складываться в часы. А сумка так и не попала на багажную ленту в аэропорту, чтобы быть узнанной и забранной хозяйкой. Мише стало тесно, скучно и тревожно одновременно. Да, он почти в Москве, и брат Володя поглядывает, наверное, на будильник. И вот...

Может, не все знают (а если лично вы знаете, то притворитесь, пожалуйста, что не в курсе) – Домодедово знаменито на весь мир ещё и тем, что здесь по-другому расположено пространство. Оно как-то завихряется. В итоге объявления не доходят до тех, кому предназначены, регистрация на рейсы таинственным образом переносится. А багаж, как в случае с Мишей – теряется. Дело тут не в промахах работников аэропорта, что вы! Просто есть сила куда могущественнее. Она-то и мутит воду в этом омуте, да позволено будет называть так сей важный узел воздушных сообщений. И силы

этой немало. Вся – нечистая, пока не прорвётся в какой-нибудь душ или, на худой конец, в туалет, и не намылится там, как следует.

Вот и Мишу закрутило в этом водовороте непонятно чего. А выбросило в пустом и холодном помещении аэропорта, где сейчас остановился ремонт и только уборщицы заглядывают туда раз за смену. И то, не всегда.

Глава 3

Машуня ревела. Плач бывает разных видов. Кокетливый, словно душистый горошек. Коварный, как пырей – для того, кому плачут. И, наконец, жгучий и горький, словно алоказия (никогда не пробуйте, какова на вкус алоказия!) У Маши от слёз онемел язык и опухло горло. Сами же слёзы были нечеловечески крупны. Неудивительно: плакала-то Машенька по медведю. Сумку ей уже принесли. Со сломанным замком, испачканную. Но, вне сомнения, ту самую. Только пустую.

– Это мамин... детский... её Ми-иша...она его... всю жи-и-изнь...

– Моя ты хорошая, миленькая, ну не плачь же ты так, – белокурая женщина гладила потерпевшую по спине и волосам, жалела и готова была отдать ей все игрушки Москвы и Московской области. Лишь бы эта девчуха-дельфинюха успокоилась и перестала убиваться. Слышать, как люди плачут по-настоящему (а по-настоящему люди плачут очень редко) невыносимо. Женщина эта работала психологом и, что бы там ни твердили про быстрое «эмоциональное выгорание» в такой нервной профессии, Людмила Владимировна оставалась человеческой вопреки. В этом помогал её секрет в сумке. Да, там сидел кот. Игрушечный, с голубыми глазами и собачьим именем Дружок. Кота этого ни-ко-му Людмила Владимировна не показывала. Чтобы не дразнили.

– Будем искать твоего Мишу. Найдём, куда он денется? Везде камеры слежения, потерпи, моя дорогая. Это аэропорт, тут всегда всё находят, – уговаривала она Машу, словно баюкала. – Отыщется...

– Отыщется, – вторил в бауле Дружок. Самым милым и добрым голосом. Тоже ведь переживал: и за Машу, и за медведя.

Маша перестала плакать: «Кто там?» И Людмила Владимировна, впервые в жизни, показала кота. Чужому, в сущности, человеку.

Светло-кремовая шерсть Дружка, хоть и была красивой и густой, из-за проживания кота в сумке сваялась. Даже голубые глаза стали почти не видны.

Дружок пошёл на руки к Маше, нежно обнял лапами за шею. Ткнулся носом в щёку. Девушке стало капельку легче.

Конечно, ничего такого ни Рыбчик, ни тем более Йокин предположить не могли. Йокин после отъезда Рыбца опять залез на диван и терпеливо созерцал кучу вещей, похожую на лежащего верблюда. Это то, что Рыбчик решил не брать в Африку, хотя сперва и приготовил.

Паучок думал про свою мечту... В голову ничего не приходило. «У меня слишком много идей и мечт... – наконец решил Йокин. – Поэтому они остаются лежать – ведь их невозможно сдвинуть с места. Они давят друг друга. Для осуществления мечты нужно движение и свобода. Какая ж у меня мечта? А что, всё же просто, сейчас узнаю. Что попадётся, то и подскажет».

Он подошёл к вещам, наугад вытащил из кучи что-то. Оказалось – книжку. «Искусство перформанса: от футуризма до наших дней». Вспрыгнув на диван, Йокин закинул ноги на ноги, одной лапкой подпёр голову, в другую взял книгу, третьей стал листать страницы. Четвёртой почёсывал макушку. Вне сомнений, пауки идеально созданы для чтения. Лишь бы стремились к нему.

Йокин разглядывал чёрно-белые фотографии. Непонятное нагромождение предметов не вызывало никаких чувств, кроме скуки! Паучок задумался... Если столько людей делают что-то необычное на протяжении нескольких десятиле-

тий, а другие люди смотрят на это, обсуждают и даже вот – написали об этом книгу, так может, дело не в них, а в нём самом? Он, значит, чего-то не понимает, в чём не должен признаваться? И Йокин решил стать самым модным паучком с передовыми взглядами в области современного искусства. Особенно – искусства перформанса. Тут даже рисовать ни к чему. Главное – разрушительно-обличающие идеи. И так, он станет знаменитым мастером. И куда-нибудь, да перевернёт этот мир!

Йокин закинул книжку подальше и побежал на кухню есть оставшееся варенье. Его мечта нашлась так быстро, что даже неинтересно: «Рыбец, наверное, даже до аэропорта не доехал!»

Нашлась не только мечта Йокина, но и, как ни странно, дед Миша. Только нашёлся он неправильно. Потому что попал на глаза уборщице Оле. Эта самая Оля бубнила себе что-то под отёкший нос с красными прожилками. Когда она подошла поближе, медведь уже мог разобрать: женщина уговаривала себя, что, конечно же, она намного лучше коллег: нагловатой Гули и тихой Кати, которую вообще язык сломаеть, как там зовут на самом деле. Потому что Оля, хоть и выпивает иногда, но человек большой души. И не даст там всяким, да ещё уборщицам, над ней издеваться, и пусть зо-

вут Ольгой Валентиновной, нечего! Тут Оли заметила, что в тёмном углу кто-то шевелится. «Никак – чупакабра!» – она присела от страха. «Пойду Гулю с этой, как её, кликну! А то кусанёт» – пообещала она этому кому-то углу и побежала прочь. Молоденькие уборщицы весело переглядывались и шутили про «белочку». Большой нос Оли наливался гневом, но до поры она терпела: «Я про них недавно фильм смотрела. На собак похожи, на доберманов. Только уши длинные и глаза синим светятся. И кровь они пьют, чупакабры!» Тут она ткнула пальцем в бок Кати, та вежливо взвизгнула. Как и ожидали Катя с Гулей, никакой чупакабры там, куда их повела Оля, не было. Только в дальнем углу валялся старый плюшевый медведь. «Выкинуть надо!» – проявила профессионализм Гуля. «Я те выкину! Раскомандовалась тут! Я его домой лучше отнесу, деда дразнить. У меня дед – точь-в-точь такая образина. Старый, плешивый, зенки жёлтые. Пусть на себя полюбуется! Выкинет она! Тебя б не выкинули...» И Гуля с Катипой в который раз вздохнули и сказали друг другу на родном языке, что хватит уже помогать этой противной тётке, которую они между собою называли Хазор-гейсу – Красавицей тысячи кос. Ведь Оля любила принарядиться во всё красное короткое, а вместо нормальной причёски у неё были криво заплетённые африканские косички. Это так Олина племянница, начинающий парикмахер, на Оле руку набивала.

Глава 4

Людмила Владимировна могла только утешить, но найти медведя – увы, нет. Она мысленно желала девочке добра, добра и ещё раз добра, представляла, как мишка Миша попадает к людям исключительной порядочности, как они видят на нём бирочку...

– Кстати, Машенька: на нём точно ничего не было? Бывает ведь – имя или адрес...

Маша покачала головой. Опять протянула айфон. С фотографии смотрел старенький советский медведь с выбритыми полукружьями бровей.

– А особые приметы?

– Он не мог реветь. Такие мишки рыкают, если их переворачивать. А у Миши ревелка сломалась, мы так и не починили... – всхлипнула Маша. – Ну... Ещё у него голова к туловищу была пришита оранжевыми синтетическими нитками – прочными. Потому что мамин брат отрывал... – и тут она совсем разревелась, внезапно осознав всю сложность Мишиной судьбы.

– Ну-ну, не плачь раньше времени. Надо бороться! А Дружку сразу на фабрике приделали номер. Я этот номер зарегистрировала на сайте фабрики и теперь он может дружить с другими игрушками. Можно посмотреть, где они живут, куда перемещаются. Конечно, если я и другие хозяева захо-

тим этим делиться.

– Раньше интернета не было, – прошептала Маша и прижала Дружка к себе крепко-крепко. У того аж глаза из-под шерсти вылезли. – Давайте я сейчас напишу Мишиному брату, чтобы нас не ждал... А то ведь он ещё над... наде-е-ется-я.

И свалывшуюся шерсть Дружка окропили новые слёзы.

О том, что Миша исчез, Рыбчик, Йокин и Владимир Евгеньевич с Нонной узнали почти в одно время. Но Рыбчик был на полпути в Тунис, и всё, что ему оставалось, это нервно крутиться в самолётной коробке путешествующего кота. Йокин, последние два часа заселявший свою голову разными перформанс-идеями, пришёл к выводу, что надо делать акцию, во-первых, в Москве – там больше людей. А во-вторых, именно в Москве – потому что паучок нашёл одно самое подходящее место. Что именно задумал Йокин, пока секрет. Тем более, сейчас ему не до того. Носится по квартире, пинает диван. Растолкал спящую в банке Муху Комнатную, велел ей лететь куда-нибудь. Неважно, куда. Муха психанула и, собрав рюкзачок, исчезла.

В голове Йокина, унавоженной перформанс-идеями, не укладывалась простая, но чудовищная мысль: Миша на самом деле исчез. Так не бывает! Он же всегда был рядом. До-

ма...

Что касается Владимира Евгеньевича и Нонны, то они плакали, обнявшись. А остальные обитатели бывшей детской – две деревянные лошадки, ненастоящее чучело лисы, куклы и мохнатая собака с дивана – им сочувствовали. Даже решили позвать директора музея, ведь срочно надо что-то предпринимать!

В это время Миша принюхивался, покачиваясь в большом пакете, который несла Оля. Запах снега, селёдки и яблок. Затем пакет бросили на сиденье автобуса. «Ничего хорошего, – проворчал про себя медведь, – бензин и ароматизатор «Цитрусовый»».

Опять пахло зимой, громче стал слышен гул машин. Оля куда-то спускалась, и нос медведя уловил испарения резины. Вскоре стало не холодно, но тесно. Поехали вниз, вбок, объявляли станции, а Миша всё качался и качался в этом белом пакете, и ничегошеньки, кроме белого, не видел. «Вот как неверно доверять только зрению, – размышлял он. – Предполагать, что ничего не меняется только потому, что ты всё время видишь одно и то же, большое заблуждение».

Миша философствовал в те короткие моменты, когда его оставляла тревога за Машеньку. А брат со своей Нонной... «Лишь бы интернет был там, куда меня несут... Лишь бы, лишь бы...»

Ну конечно, у Оли был интернет! Только вот защита у компьютера барахла, потому что вечно Оля лазила куда-то не туда и набирала в этих затхлых интернет-местах всякую заразу. Разбираться с завирусованным компьютером звала соседа. И ей это доставляло большое удовольствие. Ведь со-

сед Андрей боялся её и молча, со вздохом чистил, устанавливал, обновлял – лишь бы не шумела. Он категорически не выносил дамской агрессии. И этим пользовались все, кому не лень.

В квартире неприятно – это Миша ощутил с порога. Тут уж не надо ничего рассматривать и даже нюхать. Какие люди занимают жилище, можно понять и без органов чувств. Есть нечто большее, что заставляет нас безошибочно это определять. Здесь Мишу будто душило. Настолько, что он даже рыкнул. Понял: надо бы удивиться. Ведь его рыкательный аппарат уже лет тридцать не работал. А в Москве взял, да и починился. Вот что значит смена климата!

Оля вытащила медведя за ухо из пакета и бросила на диван: «Остановка конечная, чупакабра!» Поставила чайник, включила телевизор, компьютер. Выругалась, увидев зажегшийся ярко-синим экран. И отправилась звать соседа. Именно пошла, не позвонила – хотя и могла бы. Уж очень ей нравилось смотреть, как он слушается.

Глава 5

На самом деле Андрей был не то чтобы послушным, но к своим тридцати пяти годам на редкость замученным. Со стороны всё выглядело геройски и замечательно: он, жена Лариса, пятеро чудесных ребятишек. Но вот беда – их дом не знал мира и покоя. Вместо того чтобы любить, помогать и выручать друг друга, дети ябедничали, ссорились, дрались и перекидывали на чужие плечи порученную работу. Длилось это давно и педагогическими мерами не лечилось, увы. Вот Андрей и пал духом. Жил одним днём, стараясь поменьше находиться в этом бедламе. Мама Лариса обижалась, чувствовала себя несчастной и злой – хотя была счастливой и доброй...

И помочь их беде оказалось некому. Так бывает: даже если вокруг полным-полно людей, это вовсе не значит, что ты им интересен. С появлением каждого нового ребёнка Андрей и Лариса надеялись, что теперь всё изменится, старшие полюбят младших и всем станет хорошо. Не тут-то было. Дети ещё сильнее начинали отстаивать свои права. Старшая Дарья считала, что её задача – хорошо учиться, чтобы впоследствии сделать карьеру и выбраться из семьи подальше. Близнецы Лёша с Кешей вообще ничего не считали, им бело некогда, они ходили на футбол. Пятилетняя Катя часто болела и тогда просила, чтобы мамочка посидела рядом с ней. Ну,

а малыш Толик ограничивался ночным плачем и ломанием нужных всем предметов. У Даши он находил, мял и жевал тетради, братьям ухитрялся засунуть в сумку со спортивной формой свой памперс, у Кати отбирал не только её бусики, но и маму... В общем, всё в этой семье давно уже шло наперекосяк.

– Большими индивидуалистами растут наши дети! – вздыхала мама Лариса, гремя тарелками.

Из второй комнаты неслись крики: старшая отчитывала за что-то близнецов, те нагло отвечали.

– Ничего! – вот отдадим эти кредиты, и возьмём тебе посудомоечную машину! – утешал её папа Андрей, возясь с очередным компьютером и успевая выхватить материнскую плату из рук младшенького.

– Это не жизнь... – всхлипнула мама Лариса. – Я забыла, когда чему-то радовалась. К вечеру от усталости я даже забываю, как меня зовут и где я. А ведь я так люблю посидеть и помечтать. Или нарисовать какую-нибудь картинку...

– А это ведь тебе ещё воду носить не надо, бельё в проруби стирать и печку топить, – опять утешил Андрей.

Лариса, вместо того, чтобы обрадоваться, стала греметь посудой громче. Андрей представил, что он маленький и убегает в свой шалаш за прудом. Дочка Катя отрывисто и сухо закашляла.

В этот момент и позвонила к ним в дверь Красавица тысячи кос Оля.

Йокин сидел перед компьютером и уже по скайпу уточнял детали. Говорила и сама Маша, и красивая светловолосая женщина. И непонятный зверь Дружок.

Йокина пытались выманить в Москву, но пока он набивал себе цену:

– Там страшно, опасно, пробки, смог и все злые! Аварии, самолёты падают и террористы в метро ездят.

– Дурень! Там же хорошо. Там радостно. Там культура, там всё очень удобно устроено! И совсем не злые все, а добрые и увлечённые. Там же столько всего! Невозможно злым оставаться. То концерт, то выставка, то лекция, то ярмарка. А какие там плюшки вкусные! И звон – ох, какой колокольный звон стоит, когда у Храма Христа Спасителя идёт снег, по брусчатке маленькой армией бежит в наступление позёмка, а в небе от прожекторов то лилово-прохладно, а то апельсиново-весело! Москва – праздник!!! – мяукал этот взбалмошный тип, похожий расцветкой на пирожное «Старая Рига». Бледно-золотистое, с творожным кремом.

– Ага... Праздник... Пока там не живёшь, – пробурчал Йокин.

Внутри он сразу решил – конечно, поедет! Но снаружи ещё упрямылся.

Вот балбес, не так ли?

Да, скажем теперь пару слов и об остальных – возможно, вы с ними ещё незнакомы. «Остальные» – это хозяйка деда Миши, её зовут Эллочка-Ёлочка. А также элочки-ёлочкин муж. И их сын, хозяин Йокина. Они в нашей истории участвовать не будут, потому что улетели на Рождество в Австралию и ничего про случившееся не знают. А то, что Йокина хозяин не взял с собой, является грубейшим нарушением паучковых прав. Наш малыш Ёки-Пуки не из тех, кто жалуется, но обиду затаил.

Поэтому и решения стал принимать самостоятельно. Его не спросили – и он не будет отпрашиваться. Уедет – и всё! Тем более, не просто так, а Мишу спасать.

Глава 6

В самолёте Ёки-Пуки через стенку своего ящика для путешественников пытался общаться. Голос у другого пассажира был ворчливым и низким, а кто сосед такой, паучок не расслышал.

– Эх, жаль, сами мы летать не можем! – пискнул Йокин.

– Ну да, конечно, ещё чего... – загудело где-то в районе правого бока Йокина. – Летать он не может... А мог бы – и сколько до Москвы крылышками махал? Три года? А это – са-мо-лёт! Не муха. Не устаёт, большую скорость развивает. Понимать надо!

Йокин подумал: «Наверное, бухгалтер! Возможно, бобёр»

Тут знакомый голосишко зазвенел:

– Попрошу не оскорблять! Что за сравнения?!

«Возможно Бобёр» чего-то проворчал, а вот Йокин сильно обрадовался.

– Наша Муха? Ты как сюда попала?

– Всю дорогу на себе вёз, теперь спрашивает! – фыркнула Муха Комнатная. – Я тоже хочу деда Мишу найти.

В рюкзаке у неё было всё, что положено мухам: фонарик, два пистолета, зубная паста, набор открыток с видами Ниццы и кусок кремния на удачу. После того, как найдёт медведя, Муха планировала пересечь в Москве на самолёт до Африки, чтобы встретиться, наконец, с мечтой своей жизни

Цэцэ. Если повезёт, взять автограф.

Встреча паучка с Машей и остальными прошла в одном из залов ожидания. Дружок исподтишка рассматривал Йокина. «Вот тут бы зашить, тут пришить, тут набить, а в целом – постирать, – думалось ему. – Ладно, со временем сделаем...»

Муха во встрече не участвовала – куда-то делась.

– Я никуда из Москвы не уеду, пока не найду деда Мишеньку! – волновалась Маша.

Психолог Людмила Владимировна опять напоминала про камеры слежения:

– Надо немного подождать результаты. Номер телефона ты свой оставила, тебя найдут и с тобой свяжутся, не беспокойся. В течение двух дней шансов на успех очень много. А сейчас поезжай в гостиницу. Я с тобой Дружка отпущу, будет помогать, если что. Да, Дружок?!

Свалявшийся кот коротко мявкнул, что могло означать и «так точно!», и «мамочки». Впрочем, вырываться не стал.

Усталая Людмила Владимировна уехала к семье. Так и не узнав, о чём рассказала прилетевшая вскоре Муха Комнатная.

А Муха принесла важные новости! Другие мухи Домодедова (было их всего пять, ведь мух в аэропортах не жалуют, к тому же зима) рассказали, что видели, как несут медведя. Большого коричневого медведя-старика. А также рассказа-

ли, куда его понесли – к микроавтобусу, на котором было написано «Музей детства», ЦДМ. И адрес: Лубянская площадь. Так-то! На радостях Машенька позвонила Владимиру Евгеньевичу с Нонной. И очень их утешила.

Зимой темнеет рано. Но не в морозной Москве, освещённой миллионом фонарей, фар, гирлянд на мостах и роем крупных снежинок, танцующих своё финское танго на площадке длиною от туч до земли. Здесь всё так же светло, как и днём, лишь меняется цвет неба. Поэтому Маше было не страшно, а уж Йокину с Дружком и подавно. Дружок не умолкал ни на секунду. О Москве он знал очень много и обожал этим делиться. Так что и в автобусе, и в метро, и просто на ходу Маша с Йокиным получали добрые порции информации. Которой в другое время они бы порадовались, а тут... Ну, терпели и старались не сильно грустить. Всё же Дружок был прирождённым психотерапевтом. Как, впрочем, и всякий другой кот. Особенно плюшевый. Который идеален, так как не дерёт вашу мебель настырными когтями и не вопит среди раннего утра, вызывая на кормёжку.

Итак, путь их лежал в самое медвежье сердце Москвы – Центральный детский магазин, в Музей детства. И, поскольку мы уже подозреваем, что идут они туда зря и Миши там нет, оставим на время эту троицу. И посмотрим, что поде-

львает сам деда Миша, бестактно названный чупакаброй.

В двадцатипятиэтажке на окраине Москвы многодетный отец Андрей пошёл к Оле чинить компьютер и с порога увидел медведя своего детства. Этот медведь и тогда-то был немолод, но годы добавили своё. Однако разве забудешь друга и главного утешителя! Миша защищал его, когда мама задерживалась на работе и всё не шла домой, папа тоже не возвращался, а маленький Андрюша, укрывшись с головой одеялом, брал к себе медведя и представлял, что это его старший брат. И мальчик вовсе не один в пустой квартире, а с этим сильным и весёлым братом. А потом Андрея отвезли к бабушке – «на время», как сказала мама. Мишку с собой взять не разрешили.

Всё. Конец той истории. Когда он вернулся, Миши уже не было. Отца с ними – тоже.

И вот теперь его дорогой друг лежал перед ним, и мордочка у него была всё та же – добрая и терпеливая. Андрей застыл, как истукан, и готов был заплакать. «Этого не может быть», – говорил он себе. Но видел, что медведь – тот самый. Много-много лет он не вспоминал своего Мишу. И теперь чувствовал, что к нему возвращается важная часть души.

– Миша! – он взял его на руки. Медведь положил голову на плечо Андрею и что-то прорычал. Как тогда...

«Красавица тысячи кос» Оля смекнув, что «чупакабра»

чего-то стоит, решила набить цену:

– Коллекционный!

Андрей знал Олин характер, поэтому как мог равнодушнее положил Мишу обратно и занялся компьютером. И только всё сделав и напомнив, сколько должна Оля (а она была много должна) предложил обмен.

Вышел он из квартиры счастливый, прижимая медведя к сердцу. Внутри раскрывалось что-то новое и безмятежное. А ничего удивительного – если один почувствовал имя другого, то быть им вместе. Миша тоже был рад избавиться от давившей его атмосферы. Но что ждёт впереди? «Главное – интернет! Лишь бы интернет!» – бормотал он про себя, как заклинание.

Худенькая темноволосая Лариса, похожая на вымотанную погоней лань, рассматривала медведя: во-первых, не слишком чистый. Во-вторых, слишком голый. Но что-то шло от мишки такое приятное... «Свяжу-ка я ему, пожалуй, шапочку!»

И ни за что бы ни призналась, что шапочки она вязала когда-то для своих кукол, а детям – никогда не вязала, потому что куклы – это куклы, а дети – это дети, и с ними ей совсем не до игр и удовольствий. Малыш Толик спал, но дел всё равно по горло. Однако Лариса, вопреки всему, решила заняться этим смешным плешивым медведем. «Вязание – как поездка. Ты вроде бы что-то делаешь, но тебе не надо двигаться. Ты просто сидишь и отдыхаешь. Но при этом совесть

твоя чиста. Потому что ты всё же чего-то делаешь, и будут результаты!» Лариса отличалась большой практичностью и полагала, что результат должен быть всегда. А иначе зачем?

И вот она измерила объём Мишкиной башки, усадила медведя на самый высокий шкаф – подальше от детей, пока не мыт, и принялась за вязание. Андрей боялся спугнуть это чудо. Его Лариса не плачет, не ворчит, не кричит, не гремит посудой на кухне, а тихо сидит у окна, набирая петли! И лицо при этом довольное. Андрею так это понравилось, что он на цыпочках прошёл на кухню и решил пересадить фиалки. А это тоже такое дело, что требует тишины и сосредоточения. Вот и дети притихли. Фигурально выражаясь, на семью спустился тихий ангел. Или тихий медведь. Сам же Миша, сидя на шкафу, переживал ужасно: как он отсюда без парашюта? А ему так нужен интернет...

Глава 7

Центральный детский магазин походил на лайнер в самом центре океана Москвы. Его иллюминаторы не светились – было поздно. Или?

– Как закрыт? Как «только в марте откроется»?! А мишку куда понесли? И что нам делать?

Маша так устала, что толком даже волноваться не могла. Охранник лишь смотрел в одну точку. Ему было абсолютно всё равно, чего там эта девочка собирается делать: «Слишком много людей вокруг! Слишком много...» Однако, всё же подсказал: можно зайти завтра к сотрудникам Музея детства. Эти люди готовят большую выставку, и все старые игрушки поступают туда.

– Слона, например, привезли. Большущего!

– А мишку?

– Медведей сюда центнерами тащат. Тут уже полтора года сбор игрушек старых идёт. Посылки! Курьеры! По утрам очередь. Конкурс! У нас же символом магазина будет плюшевый медведь.

Летел снег. Маша, сидя на скамейке меж двух сугробов, соображала. «Центнерами... конкурс... А куда девают тех, кто конкурс не прошёл?»

Йокин, сидя у Маши в варежке, начал проситься наружу, вытаскивая то одну, то другую лапку. Дружок тоже зашеве-

лился в сумке. Идеи, как оказалось, переполняли не только их головы, но и пламенные сердца – ведь хорошая мысль всегда идёт именно от сердца. Так горячо, что и мороз ни почём. Устроившись у Маши на коленях, Йокин с Дружком заговорили:

– А так ли плохо, – (это Дружок), – если ваш медведь станет жителем музея и сможет порадовать большое количество людей – детей в прошлом и в настоящем?

– Это неплохо, если бы мы все вместе решили, что Миша будет служить в музее. И он был бы согласен, и мама. А так получается непонятно... – возразила Машенька.

– Его надо выкрасть! – (это Йокин). – У нас украли – и мы украдем!

– Красть почти никогда нельзя! – сказала Маша. – Только ради спасения чьей-то жизни. А Мише ничего не угрожает. Надо выяснить, почему он сюда попал.

– Собрать информацию, – картаво промяукал Дружок (он на морозе почему-то не ладил со звуком «р»). – Отпустите нас с Йокином в магазин, за ночь мы всё узнаем. Тогда и будем пр-ринимать р-решение. (Кот работал над собой!)

– Мы – разведгруппа! – обрадовался Йокин.

Маша разрешила. Попасть внутрь было несложно – мало ли в любом здании ходов и лазеек для юркого паучка и совсем небольшого игрушечного кота?

Будь внутри свет, Йокин бы восхитился увиденным. Но брести приходилось почти на ощупь, так что всей красоты

они не увидели. Сильно вырчала Муха Комнатная, летевшая с фонариком. Дружок, хоть и шёпотом, всё-таки не изменял себе: рассказал, что именно здесь впервые в Советском Союзе был пущен эскалатор в общественном здании.

– В 1957 году! – радостно уточнил кот, у которого внутри дат было столько же, сколько шерсти снаружи. А может, и больше. И ведь ничего такого на фабрике игрушек в голову Дружка не вкладывали. Всего набрался сам.

– Ну и где тот эскалатор? – возмутился уставший скакать по ступенькам паучок.

– Мы ж в разведке. Забыл? Неудобства необходимы, – пристыдил кот. А Йокин подумал о Рыбчике. Наверное, все коты скроены на один лад: воспитывают. «Эх, Рыбец, где-то ты сейчас...» То, что это Йокин скроен именно на тот лад, когда всем, вне зависимости от собственного характера, хочется его немножко воспитать – об этом паучок не подозревал. А ведь в большинстве случаев мы сами являемся причиной поведения окружающих.

Батарейки, натерпевшись холода, еле справлялись с обязанностями кормильцев лампочки. Свет тускнел, тускнел... Мутно осветив табличку «Музей детства», погас. Муха Комнатная ргнулась и, сев на что-то мягкое, принялась выбивать искру о корпус фонарика кремнем.

– А что это вы сейчас делаете? – послышался густой незнакомый шёпот.

– Огонь высекаю! – ответила Муха в том же стиле –

негромко и солидно.

– Ух ты! – восхитился этот кто-то. – Какая прелесть! А зачем?

– Чтобы было светло! – Муха Комнатная начала немного злиться. Не любила пустых разговоров.

– Я сейчас помогу!

Поверхность под Мухой качнулась и куда-то её повлекла. Вскоре щёлкнуло, и вестибюль перед входом в «Музей детства» осветился сотней маленьких огоньков.

– Огоньки! Слон! Нас сейчас поймают! – запищал в восторге Йокин. Дружок, не церемонясь, дёрнул напарника за первую попавшуюся лапку и потащил прятаться. Муха же увидела, что сидит на плече небольшого, но всё же вполне увесистого слона, размером с человеческого толстяка.

– Вы из Африки? – решила уточнить Муха. – С Цэцэ, случаем, не знакомы?

– Ну что вы, голубушка, – засмеялся Слон. – Я совершенно местный слон. Африку знаю только в том смысле, что очертания этого континента напоминают мне голову печальной крысы с оторванным ухом. Вернее, с надорванным, ежели за второе ухо принимать Аравийский полуостров...

– Понятно, – вздохнула Муха Комнатная. – Не в курсе... А где тут медведи?

– Пройдёмте в зал, сударыня! Они пока не спят...

И Слон, слегка пригибая голову и помахивая ушами – просто так, подойдя к двери музея, распахнул её. Именно

здесь через несколько месяцев раскинется экспозиция, посвящённая самым разным советским игрушкам. А пока те, кто уже вошёл в состав экспонатов, тихонько коротают время до открытия, знакомясь и рассказывая всякие истории. Историй было почти так же много, как и самих игрушек. Истории о взаимной любви детей и всех этих оленят, такс, кукол Оль и Наташ, медведей и собачек, истории о взрослении и ... дальше по-разному. В этот тёмный час, когда строители, оформители и работники музея отправились по домам, некоторые из игрушек вышли из палаток и собрались в кружок у мерцающего лампочками лунохода. Их разговоры то и дело заглушались звуком «пиу-пиу». Но так уж устроены советские луноходы: если светятся, то не молчат.

Прибывших приняли спокойно. Подвинулись, освободили место у огня. Слон даже заходить не стал: уж слишком крупный!

Йокин весь оброс глазами – так ему казалось. Вот-вот, и увидит деда Мишу! А Дружок тем временем разглядывал вообще всех: интересно!

– Тогда вы будете вот за ним! – лисёнок стрельнул косыми ярко-зелёными глазами в сторону медведя. Большого, старого, коричневого советского медведя. Сильно-сильно похожего на деда Мишу. Но только с другим оттенком шерсти. – У нас все новенькие о себе рассказывают! А этого час назад привезли. Из Домодедово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.